

Полемика язычества и христианства: вопрос боговоплощения

Событие воплощения Бога в Иисусе Христе является одним из фундаментальных и основополагающих чудес в христианстве, оно преподносится как уникальное и эта уникальность транслируется на всю веру христову, а также используется в целях апологетики и полемики с язычеством. Чтож, давайте разберем этот вопрос с точки зрения языческого традиционализма и на примере статьи новосибирского диакона собора во имя князя Александра Невского, Артемия Сильвестрова¹.

Главный тезис его статьи заключается в следующем:

«Первое и чрезвычайно важное, что ярко характеризует мифологию средиземноморского региона, равно как и мифологию индуистскую – боги в этих религиозных системах воплощаются не на самом деле, а только лишь «принимая вид» исполняя некую роль, наподобие игры артистов».

Иными словами, диакон Артемий говорит, что метаморфозы языческих Богов носят характер иллюзии, кажимости, что они не воплощаются во плоти в людях или животных, но как бы «принимают вид» и обманывают зрение свидетелей. Для полноценного ответа на этот тезис нам надо немного отвлечься и прояснить вопрос Начал или онтологии, из которого нам станет ясна ошибочность утверждений автора и корень его непонимания Традиции.

Авраамические религии, к которым относятся христианство (и все его деноминации), ислам и иудаизм, выражают онтологическую доктрину креационизма – от латинского слова *creatio*, означающего «создание», «сотворение». Формулой креационизма является *creatio ex Nihil* – то есть Бог создает [творит] мир из Ничто, наподобие того как ремесленник создает изделие из глины или древесины. В этой метафоре наглядно выражена принципиальная разница между Богом-Творцом и его креатурой-миром (и человеком и всем сущим в целом), который всегда и принципиально отличен от своего творения. Иными словам, Бог есть абсолютное Бытие и Всемогущество, которое пребывает выше [над] и в отдельности от созданного им мира, бытие которого подобно тому самому глиняному горшку в окружающей его пустоте. В этом мире Священное исходит от Бога и является чем-то уникальным, редким настолько, что случае Божественного вмешательства и явлений, знаков и т.п., они называются чудесами в привычном нам значении явления чего-то небывалого, удивительного, захватывающего и сверхестественного. Тварный мир-поделка Бога

---

¹ http://ruskline.ru/analitika/2017/08/14/bogovoplowenie_v_yazychestve_i_hristianstve/

сакрализируется тогда, когда Бог обращается к нему и его жителям, к человеку и народам, и это становится чудесами и промыслом.

Совсем другую онтологию мы имеем в нашем язычестве. В некоторых традициях она разработана очень детально в мифологиях и философии (Греция и (нео)платонизм, Индия и адвайта-веданта, тантризм), в других – даны лишь императивные утверждения, некоторые ограничиваются лишь намеками на ещё неторенные тропы; но в любом случае взирая даже не самые наивные традиции с позиции языческого традиционализма, мы можем вычленить общий онтологический мотив язычества. В противовес креационизму и его формуле «творение из ничто», язычество выражает формулу, которую можно сформулировать так: *creatio ex Deo* или, еще более точнее – *manifestatio ex Deo*. Позитивной противоположностью креационизма является манифестационизм, от латинского слова *manifestare*, которое означает «проявлять», «делать видимым». Согласно манифестационизму, мир и человек, народы, звери и все сущее в целом – есть проявления Божественного, мир с его законами и иерархией творятся Богом из самого Себя, а не из безликого ничто. Мир и человек «плоть от плоти» несут в себе Божественную «субстанцию», фактически мироздание становится «зеркалом», в котором Бог созерцает сам себя и в этом созерцании Божественного особая роль отведена человеку, как тому существу, которое способное осознать Божественность мира и свой собственный Божественный исток. Другими словами: языческий мир – это изначальное и непрерывное чудо Богоявления во всем мире, природе, народах и людях. Если в авраамизме чудеса – это уникальные единичные события вторжения Бога (Яхве, Элохим, Аллах) в историю, то в язычестве это жизнь в постоянном свете явления тех или иных Богов, духов и их игры. Мир авраамизма (христианства, ислама, иудаизма) находит чудо чем-то исключительным, а мир язычества есть чудо как таковое, которое не нуждается в уникальности и исключительности, потому что оно всегда есть чудо и чудесность.

Вернемся к тезису: «языческие Боги воплощаются не на самом деле, а только делают вид, как актеры». Мы сразу же можем увидеть первое противоречие с манифестационизмом: если Боги не воплощаются на самом деле, а нам это только кажется, тогда Мир-как-Божество – это не объективная реальность, а иллюзия в самом буквальном смысле. Но наш мир, и сейчас и в древности, имеет свою материальную сторону, следовательно, Божественное воплощено очень даже буквально и в широчайшем разнообразии. Мир существует на самом деле, и если он – воплощение, т.е. проявление Божества – то диакон Артемий не прав в самом начале и в отношении самых фундаментальных истин.

Но здесь есть ещё один нюанс, с которым он не знаком детально. Говоря об иллюзорном воплощении Богов, автор ссылается на индуизм. Действительно, в некоторых (но далеко не во всех) философских школах индуизма есть утверждение, что мир является иллюзией (Майя) и на высших ступенях познания адепт якобы познает эту истину, что мир иллюзорен. Здесь важно разъяснить следующее: сама Иллюзия или Майя в индуизме предстает как покрывало, которое скрывает от человека истинное положение вещей. Это покрывало представляет собой весь материальный мир и природу, и создает видимость того, что мир и Бог (в данном случае Шива) различны. Это уже опровергает тезис о кажимости воплощения Богов и наводит на мысль, что иллюзия скорее принадлежит такому взгляду на мир, который разделяет собственное бытие и бытие Бога. Дальше оказывается, что сама Майя-Иллюзия есть проявление великой Богини Шакти, супруги и любовницы верховного Бога Шивы. Выходит, что мироздание – снова проявление Бога (Богини), которая в своем проявлении раскрывает-и-скрывает верховного Бога Шиву, который устанавливает закон и дает учение, и вообще как муж правит и вступает в интимный союз со своей супругой. Таким образом, в языческой картине мира некоторых индийских учений, мир представляет собой эротический союз мужского и женского начал, где материальное-женское в своем движении скрывает духовное-мужское.

Но и это ещё не все. Дальше индуизм говорит, что высшим знанием является то, что сама Майя (Иллюзия) – тоже является иллюзорной и на самом деле нет онтологической разницы между Богом и миром, Богом и человеком, что материя не противостоит духу, но вместе они пребывают в Божественном (Шива-Шакти) эротическом союзе и движении. Иными словами, когда христианские апологеты говорят, что Боги воплощаются в мире «иллюзорно» – то именно эта точка зрения является иллюзией и половиной правды, так как сама «иллюзия» – есть обман Богов для непосвященных и способ их парадоксального бытия. Иллюзия не в том, что Боги якобы надевают маску, а в том, что кто-то думает что «Боги якобы надевают маску». И наши Боги настолько всемогущи, безграничны и чудесны, что могут позволить себе воплощаться в зверей, птиц, людей и – что самое главное – они и есть все мироздание в его духовном и материальном измерениях, в их высшем воплощении.

Другой тезис диакона Артемия гласит:

«Вторая, не менее важная особенность «биографий» языческих богов – генеалогическая путаница».

Автор упрекает языческих Богов в том, что, дескать, непонятно кто они такие и кто их породил – много разных мифов, которые рассказывают разные

истории, а значит все это – сказки и небылицы, а вот христианская генеалогия Христа ясна и однозначна, в ней нет разнообразия версий.

Этот тезис отвергается заключением нашего разбора тезиса предыдущего: наши Боги чудесны и всемогущи настолько, что народ слагает такие же чудесные и разнообразные мифы об их происхождении и деяниях. Но если посмотреть глубже, то мы увидим между христианством (креационизмом) и язычеством ещё одну большую разницу.

Христианские предания предельно историчны, они опираются и засчитывают себе в плюсы максимальную реальную историчность своих библейских событий. Иными словами, христианство и иные авраамические религии – максимально материалистичны, они нуждаются в материальном и историческом обосновании своей истории и чудес. Это является свойством «глиняного горшка» их мировоззрения, вытекающего из креационизма. Позднее, с наступлением Просвещения, Нового времени и утратой веры в Бога, этот принцип найдет свое выражение в научной картине мира, где все должно быть подкреплено опытом и материально (эмпирически и позитивистски) достоверно.

Иная картина в язычестве, в основе которого лежит живой миф. Греческое слово *mythos* переводится как «сказ», «рассказ», «то, что рассказывается» – отсюда естественные, как движение волн на поверхности моря, расхождения в пересказах одной и той же истории. Но, несмотря на обрамляющие основной каркас [сюжет] мифа расхождения в нюансах, он не страдает от этого утратой достоверности и не превращается в «нелепую басню детства человечества», но обретает гамму красок и оттенков, плюральность герменевтики. Как море, несмотря на беспокойную поверхность, в своей глубине и сути остается неизменным самим собой.

Далее диакон пишет:

«В-третьих, каждое языческое божество выражает определенную сферу человеческой жизни («отвечает» за нее, «покровительствует» ей). Так Афина – покровительница мудрости, Афродита – любви, Дионис – веселья и вина, Морфей – сна, Марс – войны, Гермес – торговли, Геката – магии. В этом отношении языческая религия (в данном случае представленная греко-римской мифологией) является, в том числе и выражением в виртуальном пространстве некоторых вполне земных идей».

Здесь нет никакой претензии, ибо она априори невозможна. Автор излагает древнюю истину, с которой не спорят ни религиоведы (М. Элиаде), ни антропологи и социологи (Ж. Дюмезиль). Боги суть источники и/или идеальные воплощения базовых функций в человеческих обществах, о чем писал Жорж Дюмезиль: верховные Боги – жречество; воинственные Боги-

защитники – цари, вожди, дружина и воины; Боги Плодородия и Земли – земледельцы, охотники, рыбаки; а также Боги – податели и учителя ремесел и искусств. Ж. Дюмезиль наглядно проиллюстрировал эту структуру на примере индоевропейских обществ. Фактически, это и ещё один способ воплощения Бога в человеке – через его сословную принадлежность и род занятий.

Немного другая картина есть в некоторых школах индуизма – Трибхувана (Троица или Триада) Богов: Бог Создатель (Брахма), Бог Защитник (Вишну/Кришна) и Бог Разрушения (Шива). С помощью этой троицы кодируются жизненные циклы мироздания, года и жизни конкретного человека, а также всех явлений и вещей. Здесь мы снова сталкиваемся с тем, что языческие Боги воплощаются максимально наглядно и непосредственно во всех аспектах Жизни и Смерти.

Следующий тезис о языческих Богах диакон Артемий формулирует следующим образом:

«...важная деталь – та, прямо таки скажем нравственная нечистота, которой изобилует жизнь языческих богов и которая (как следствие) является неотъемлемой частью языческих культов».

Поднятая тема напрямую к вопросу боговоплощения не относится, но ответим и на этот вопрос. Во-первых, диакон Артемий далее особо подчеркивает безмужный (без участия мужчины) характер зачатия Девы Марии, лишенный каких-либо интимных отношений и эротических действий. Во-вторых, вновь акцентирует внимание, что в Евангелии отсутствуют «сферы каких-то чувственных, эмоциональных, любовных, романтических отношений», что Иисус максимально чист и удален от «греховных наслоений» человеческого рода. Здесь следует отметить не только позицию и общественную деятельность автора, но и общий дрейф РПЦ в сторону идей пуританства. Пуританство – от латинского слова *puritas*, «чистый» – морально-нравственная позиция английских протестантов XVI-XVII веков, отличавшаяся гипертрофированным стремлением к строгости нравов, особенно в сфере сексуальности. Очень странно наблюдать симпатии православных апологетов к идеям «инославных» деноминаций, близким к ереси.

Тем не менее, подавление сферы телесности и сексуальности идет красной линией в авраамизме, что обоснованно рассматривается как предуготовление той ситуации, из которой рождается учение З. Фрейда о подавленной сексуальности и травмах на этой почве. И действительно, в пуританском обществе, где нет рычагов и практик реализации здоровых (подчеркиваем – здоровых) сексуальных желаний и выпуска пара, рождаются патологии.

С другой стороны, в языческих традициях нам широко известны и чистые, сексуально практически безучастные и нравственные Божества: Аполлон; Гефест, поймавший жену на измене; Тор – усмиритель Локи и другие.

Язычество охватывает и не отрицает никаких сфер жизни, в том числе связанных с сексуальной практикой. В языческих традициях есть институты целомудренного брака и деторождения, супружеской любви – вспомним воззрения индийских мудрецов о том, что весь мир есть ритуальное соитие Богини Шакти и Бога Шивы! К этой парадигме, структурно, можно свести все супружеские пары верховных Богов разных традиций (Один и Фригг либо Фрейя в скандинаво-германской традиции). Также в языческих традициях есть, говоря словами Юлиуса Эвола, и «афродическая» сторона Эроса – дионисийские оргиастические культы, сродни славянскому празднику Купалы на Летнее Солнцестояние; также элементы сексуальности часто используются в аграрной магии и ритуалах плодородия (обнаженные женщины, опахивающие ночью поля и села на Руси). Известно архаическое изображение скандинавского Бога Фрейра с ярковыраженным фаллосом, который символизирует мощь плодородия и ни у кого не вызывал и не вызывает смущения (или более экзотические праздники фаллоса в Японии). Также принцип подражания Богу (*imitatio Dei*, тому что Боги делают в мифах), в виде обряда, театра или буквально в реальной жизни является одним из основных ритуальных приемов освящения жизни и праздников, что полностью распространяется и на сферу интимной жизни супругов и общества. (Соитие мужа и жены повторяет Вселенский союз Богов.)

Потому что язычество, повторимся, прекрасно понимает органичность всех сторон Жизни и Смерти, и находит им свое регулируемое укладом место и время. Если мир есть союз Богини-Жены и Бога-Мужа, то патологией является пуританство, ведущие к вырождению рода и психическим проблемам.

Наконец, диакон Артемий проводит черту обзору воплощений языческих Богов:

«...нельзя не отметить, что в отличие от христианского монотеизма языческая теология подразумевала политеизм, т. е. присутствие множество богов, которые многократно «воплощались» и соответственно в итоге различных «воплощений» было великое множество, однако все они абсолютно внеисторичны, а самое главное – призрачны, фиктивны».

Мы уже опровергли убеждения автора об «иллюзорности» воплощений языческих Богов, а требование к историчности и достоверности скорее говорит о том, что автор стоит на позициях научных методов эмпиризма и

позитивизма, а не на стороне Сакрального и мистического опыта. Но остановимся на вопросе политеизма или многобожия.

В самом начале мы сделали оговорку о том, что наиболее тонко и детально языческая философия и тео-онтология разработаны у древнегреческих философов-неоплатоников и в индийских адвайта-даршанах. Действительно, большинство языческих традиций рассказывает (mythos) об одном или нескольких родах Богов, среди которых выделяется одно верховное Божество. Даже когда это не сказано прямо, то переводя язык мифа на язык философии, можно заключить что основные священные оси иерархий и законов сводятся к его главенствующей фигуре [первого среди равных]. Ещё дальше идут мистические школы, которые создают стройные и тонкие учения о том, что весь мир есть проявление (manifestare) этого верховного Бога, а другие Божества одновременно и обособлены от него и являются его ликами (вот здесь как раз уместно говорить об «актерской игре»). Такое мировоззрение называется монизмом (не путать с монотеизмом), суть которого сводится к тому, что верховное Божество не исключает, не отменяет и не ограничивает других Богов в их бытии и покровительстве народам, наукам и сословиям, но на самом высшем уровне вбирает их в себя как свои проявления (Боги как проявления Бога или Единого). В греческой философии очень близко к этому стоит философия неоплатоников, которая учит о сверхбытийном Едином в котором пребывает весь мир, его Боги, природа, народы и человек. Эту же идею Единого Бога позднее присвоили себе христиане, включив его в учение о Троице, подменив Единого Бога [не исключающего других] на Единственного Бога [уничтожающего других].

Это высший уровень языческой мистики и философии, на который очень сложно подняться и удержаться там.

Монизм не отрицает политеизма, тем самым в язычестве реализуется цветущая сложность, иерархия и ансамбль Богов и духов, их владений и могуществ, священных метаморфоз и чудес – в противовес оскопляющей и унифицирующей, требующей историко-материальной достоверности догматики авраамизма.

Вернемся в самое начало. Христианские апологеты превозносят чудо буквального воплощения Сына Божьего Иисуса Христа в теле человека и его страдания (страсти), которые он переживает. Является ли случай воплощения Бога в человеке экстраординарным в язычестве? Нет, так как в язычестве сущностной разницы между Богом и человеком нет, какой она есть между горшечником и его глиняной креатурой. Да, если мы представим что горшечник (Бог) внезапно буквально воплотился в керамический сосуд (мир, человека) – это будет странным, но чудом. Но ситуация такова, что с точки

зрения язычества – онтология креационизма, неснимаемый разрыв между Богом и миром, человеком – есть патология и метафизическая деградация, Железный век по Гесиоду, против полноценного бытия языческого манифестационизма. Стоит ли нам так превозносить и признавать чудо боговоплощения, если оно совершено в нездоровых метафизических условиях упадка? Ситуацию можно охарактеризовать как «чудо излечения от простуды на четвертой стадии рака» – объективно насморка нет, но жить осталось не долго. Или иными словами: насколько целесообразно оценивать высшие состояния критериями нижестоящих позиций?

Здесь же можно вспомнить известные слова о том, что духовное самопознание язычника – это познание Божества в Себе, а самопознание христианина – это познание себя глиняным горшком [который ничего общего не имеет со своим мастером].

Свою статью диакон Артемий заканчивает так:

«Полагаю, что для любого думающего человека из написанного выше совершенно очевидно, что языческие мифы о боговоплощении и христианское учение касательно той же тематики не имеют, по-существу, ничего общего. Христианское учение о Боговоплощении беспрецедентно и не имеет никаких аналогов в религиозно-философской традиции той эпохи. В связи с этим может возникнуть вполне законный вопрос: откуда несколько рыбаков (людей хотя и грамотных, однако не имеющих специального философского образования) смогли взять такой потрясающий и беспрецедентный образ Христа? Ответ реально только один: они констатировали исторический факт, описывали очевидную историческую Персону такой, какой Она была. И только уже позднее святоотеческая мысль разъясняет некоторые сложные моменты, и только по причине борьбы с возникшими заблуждениями (ересями)».

Чтож, мы согласны, что язычество и христианство имеют очень мало общего. Но во второй части, в которой говорится о констатации простыми рыбаками-апостолами исторического факта боговоплощения Иисуса Христа, автор немного лукавит. Окончательное оформление догматики о том, кем же был Христос, как он воплотился в человеке и что именно он переживал на кресте – это плод многовековых споров на Вселенских Соборах, в ходе которых было отвергнуто много ересей (докетизм, несторианство), которые автор так же бегло рассматривает в своей статье. То есть, простые рыбаки может и были свидетелями реальной исторической личности – своего учителя, но все последующее теологическое оформление и описание нюансов воплощения есть результат консенсуса позднего священства. И не

без соучастия в этом философии платонизма и аристотелизма, то есть языческой философии в урезанном виде.

В общем, мы вновь согласны, что язычество напрямую не имеет общего с христианством, а вот христианство имеет много заимствованного из язычества в областях платонической теологии, хенологии (учении о Едином), мистики (авраамические мистики всю историю стремились преодолеть разрыв между человеком и Богом) и в народной культуре.

Askr Svarte
17.08.2017 e.v.

Список полезной литературы для чтения:

- Askur Svarte (Нечкасов Е.А.) "Polemos: Языческий традиционализм" в двух томах, изд. Велигор, 2017г.
- Девибхагавата-пурана. Книга первая". Пер. с санскрита Андрея Игнатъева, Калининград, 2014г.
- "Деви-гита. Песнь Богини". Пер. с санскрита Андрея Игнатъева, 2015г.
- "Кашмирский шиваизм". М.: Издательство "Ганга", 2010г.
- Бенуа Ален де "Как можно быть язычником". – М.: «Русская Правда», 2013г.
- Гальковский Н.М. "Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси" т.1, Епархиальная типография, Харьков, 1916г.
- Гальковский Н.М. "Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси" т.2, Печатня А.И.Снегиревой, Москва, 1913г.
- Даниелу Ален "Шива и Дионис".
- Дюмезиль Жорж "Верховные боги индоевропейцев", АН СССР, издательство "Наука", 1986г.
- Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. "Энциклопедия тантры", СПб.: Институт метафизики, 2010г.
- Носова Г. "Язычество в православии", 1975г.
- Платон "Диалоги" / Пер. с древнегреч. В. Н. Карпова. - СПб.: Издательская Группа "Азбука-классика", 2009г.
- Платон. Избранное. - М.: ООО "Издательство АСТ", 2004г.
- Сэдживик Марк "Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века", М.: Новое литературное обозрение, 2014. / Пер. с англ. М. Маршака и А. Лазарева.

- Черкасов Илья (Велеслав) "Книга Родной Веры: Основы Родового Ведания Русов и Славян", Москва, 2009г.
- Черкасов Илья (V.L.S.L.V) "Книга Великой Нави: Хаософия и Русское Навославие", 2-е изд., доп. - Древний Город: Издание "Общества Сознания Смерти", 2011г.
- Эвола Юлиус "Метафизика пола" [пер. с фр.: В.И. Русинов]. - Изд. 2-е, испр. - М.: Беловодье, 2012г.
- Эвола Юлиус "Языческий Империализм" / Пер. с итл. А. Дугин, изд. сообщества "Svarte Aske", г. Новосибирск, 2013г.
- Элиаде Мирча "История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства" / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, А.А. Старостиной. - М.: Академический Проект, 2012г.
- Элиаде Мирча "История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий" / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, В.Р. Рокитянского, Ю.Н. Стефанова. - М.: Академический Проект, 2012г.
- Элиаде Мирча "История веры и религиозных идей: от Магомета до реформации" / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, А.А. Старостиной. - М.: Академический Проект, 2012г.
- Элиаде Мирча "Священное и мирское" / Пер. с фр. Н.К. Гарбовского. - М.: Изд-во МГУ, 1994г.
- Юнгер Ф. Г. "Греческие мифы", Издательство "Владимир Даль", 2006г.
- Haggkvist M. "Проблемы языческого традиционализма", KulturOrgan Skadinaujo. № 2, 2003.
- Askv Svarte "Проблемы языческого традиционализма", 2013г.
- Головин Евгений лекция "Дионис-2".

Данную статью разрешается цитировать и распространять любым способом при условии неизменности текста и обязательном указании автора.

www.AskvSvarte.org